

Уроки музыки и любви

Автор:

Люси Монро

Уроки музыки и любви

Люси Монро

Любовный роман – Harlequin #94

У Нео Стамоса в жизни есть только работа – ведь не так просто достичь богатства, если ты выходец из самых низов. Но когда Нео знакомится с известной пианисткой Кассандрой Бейкер, бизнес для него незаметно отодвигается на второй план...

Люси Монро

Уроки музыки и любви

* * *

Порт Сиэтла не сильно отличался от других портов, которые Нео Стамос видел в своей жизни. И все же он был уникальным, потому что именно здесь жизнь Нео кардинально изменилась. Вступив на палубу грузового судна «Гера» в четырнадцать, именно здесь, в Сиэтле, спустя шесть лет он сошел с нее, чтобы больше никогда не возвращаться.

Шесть лет назад ему и его другу Зефиру Никосу пришлось солгать насчет своего возраста, прибавив себе годков, чтобы их взяли на «Геру». Такую – совсем небольшую – цену им пришлось заплатить за то, чтобы расстаться со своей

прежней жизнью в Греции. У Нео и Зефира, уличных бродяжек, а точнее – членов городской шайки Афин, было одно горячее желание – достичь чего-то большего в жизни.

«И мы сделаем это!» – поклялся Нео, когда первые лучи солнца забрезжили на востоке.

– Ты готов сделать следующий шаг? – спросил его Зефир на английском языке.

Нео кивнул, его взгляд был устремлен на порт, приближавшийся с каждой минутой:

– Больше не будем жить на улице.

– Мы не жили там уже шесть лет.

– Да, действительно. Хотя койки здесь, на «Гере», не слишком сильно отличаются от уличных.

– Да. Нам потребовалось шесть лет, но теперь у нас есть деньги, чтобы сделать следующий шаг.

Шесть лет тяжелого, изнурительного труда. Оба старались сберечь каждую заработанную драхму. Для тех, кто вырос в приюте, а потом шатался по улицам, это было огромным достижением. Юноши стали носить приличную одежду, интересоваться книгами. В свободное от работы время они читали все, что попадало им под руку. Но больше всего интересовались бизнесом и сферой недвижимого имущества. И каждый из них стал знатоком в определенной области. Вдвоем, сложив свои способности и таланты, они становились еще сильнее.

У них был разработан план – сначала увеличить свои активы, покупая и продавая дома, а потом создать свою собственную фирму по торговле недвижимостью.

– А следующим шагом будет превращение Зефира Никоса и Нео Стамоса в олигархов! – убежденно произнес Зефир.

Медленная улыбка искривила губы Нео.

– К тридцати годам.

– Да, к тридцати. – Голос Зефира бы наполнен той же решимостью, что переполняла грудь Нео.

Они должны победить. Проигрыш был исключен.

Глава 1

Стамос уставился на красиво оформленный сертификат с логотипом местной благотворительной организации:

– Это шутка, да?

Зефир, его бизнес-партнер, старый и единственный друг, должно быть, шутил. Иначе и быть не могло. Этот сертификат не мог быть предназначен для Нео.

– Никаких шуток. Это поздравление с тридцатипятилетием. – произнес на греческом языке Зефир. В отличие от прошлых лет, когда они старались говорить друг с другом на английском, теперь друзья разговаривали на греческом, чтобы не забыть родной язык.

– Ведь ты прекрасно знаешь меня. Для друга это странный подарок.

– Наоборот, только друг может знать, каким ценным для тебя будет этот маленький презент.

– Уроки игры на фортепиано? Целый год?! Не думаю...

Зефир присел на край рабочего стола Нео – из красного дерева, ручной работы, который стоил больше, чем весь его заработок в первый успешный год.

– А я уверяю тебя, это прекрасный подарок. Держу пари.

Нео уставился на сертификат, понимая, что любое его возражение будет похоже на нытье, а не на разумный аргумент. Оба частенько на протяжении всех эти лет напоминали друг другу о том, что пари есть пари. И Нео, как никто другой, знал, что со своим другом пари заключать не стоит.

– Считаю это предписанием.

– Предписанием чего? Как мне потратить час в неделю? У меня нет лишних тридцати минут, не говоря уже о часе!

Нео покачал головой. Он был одет в прекрасный дорогой костюм – результат стараний его дизайнеров и портных. И показатель того, что у Нео Стамоса совсем не было времени ходить по магазинам.

– Если только ты от меня что-то не скрываешь... В моем расписании нет места для уроков игры на фортепиано.

– В этом есть нечто, чего ты не знаешь, Нео. Это «нечто» называется жизнью, которая кипит вокруг, но ты так занят своим бизнесом, что она проходит мимо тебя.

– Моя жизнь – это «Стамос и Никос энтерпрайзис».

Зефир с жалостью взглянул на Нео, будто забыл о том, что сам он так же тяжело и много трудился.

– Мы хотели создать свой бизнес, чтобы начать новую жизнь, а не жить ради этого бизнеса. Разве ты не помнишь, Нео? Мы хотели стать магнатами к тридцати годам.

– И мы стали ими.

Они заработали свой первый миллион через три года после того, как ступили на американскую землю. Через несколько лет друзья стали мультимиллионерами, а к тому времени, как Нео исполнилось тридцать, их активы составляли

миллиарды долларов. Теперь он и Зефир владели контрольным пакетом акций в мультимиллиардной компании. «Стамос и Никос энтерпрайзис» не просто носила его имя, она отнимала все его время, с утра и до ночи.

И Нео этого было достаточно.

- Ты хотел купить большой дом, завести семью, ты помнишь? – ворчливо спросил Зефир.

- Теперь все изменилось. – Некоторые его мечты были детской фантазией, и с ними надо было расстаться. – Мне нравится наш пентхаус.

- Не в этом дело, Нео.

- А в чем? Ты думаешь, что мне нужны уроки игры на фортепиано?

- На самом деле – да. Даже если твой лечащий врач и говорит тебе, что у тебя все нормально со здоровьем, твой образ жизни до добра не доведет. Учитывая постоянный стресс, под грузом которого ты живешь, не надо быть доктором, чтобы сказать: у тебя может случиться сердечный приступ.

- Я работаю всего шесть дней в неделю. Мой рацион рассчитан первоклассным диетологом. А экономка тщательно следит, чтобы блюда готовились точно по его рецептам, и я регулярно принимаю пищу, в отличие от тебя. Я нахожусь в прекрасной физической форме.

- Ты спишь меньше шести часов и постоянно испытываешь стресс.

- Думаешь, занятия музыкой помогут мне избавиться от стресса?

- Это будет отдушина для твоей неугомонной натуры. Ты всегда хотел достичь большего.

Зефиру это было хорошо известно. Сам он года два назад стал уходить с работы в шесть, а не в восемь.

- В этом нет ничего плохого – желать достичь большего.

– Это правда. – Зефир нахмурился. – В том случае, если жизнь твоя гармонична. Но у тебя, мой друг, просто нет жизни.

– Есть.

– Ты работаешь больше, чем кто-либо из известных мне людей, но ты не сочетаешь свою работу с вещами, которые придают жизни смысл.

Будто Зефир что-нибудь знал об этом!

– Ты думаешь, что уроки музыки придадут моей жизни смысл? – Может быть, именно Зефиру нужно было немного отдохнуть от работы?

– Нет. Но я думаю, что у тебя появится возможность снова становиться Нео Стамосом, хотя бы на час раз в неделю, а не быть лишь греческим магнатом, который постоянно покупает и продает компании, не говоря уже о людях.

– Я не покупаю и не продаю людей. И я доволен своей жизнью.

– Но ты никогда не будешь доволен своими успехами.

– А разве ты отличаешься от меня?

Зефир пожал плечами, его итальянский приталенный пиджак сидел на них безупречно.

– Мы говорим о тебе. – Скрестив руки, он взглянул сверху вниз на Нео. – Когда последний раз ты спал с женщиной, Нео?

– Мы с тобой уже не мальчики, чтобы это обсуждать, Зи.

Зефир ухмыльнулся:

– А я и не хочу выслушивать рассказы о твоих победах. К тому же ты не смог бы мне ничего рассказать, потому что у тебя их не было.

- Что за черт! Я занимаюсь сексом тогда, когда захочу!
- Сексом – да. Но ты никогда не занимался любовью. Ты боишься близких отношений.
- Какого черта мы перешли от уроков музыки к этому невнятному лепету? И когда ты вообще начал думать об этой чепухе?
- Я просто хочу сказать, что жизнь твоя загнана в узкие рамки. Тебе нужно расширить свои горизонты.
- А теперь ты говоришь как агент по туризму.
- Я говорю как друг, который не хочет, чтобы ты умер от перегрузок и стресса, не дожив до сорока.
- С чего это ты взял?
- Когда последний раз мы играли в гольф, Грегор отвел меня в сторонку и предупредил о том, что ты прежде времени можешь загнать себя в могилу.
- Я уволю его!
- Нет, ты этого не сделаешь. Он – наш друг.
- Он твой друг. Но мой доктор.
- Именно об этом я и пытаюсь поговорить с тобой, Нео. У тебя в жизни один бизнес, и больше ничего.
- А у тебя? Если отношения с женщиной так необходимы, почему у тебя их нет?
- Я встречаюсь, Нео. И прежде, чем ты заявишь, что ты тоже встречаешься с женщиной, позволь мне заметить, что занятие сексом, без всякого желания снова увидеть свою партнершу, нельзя назвать отношениями. Это совокупление.

– В каком веке ты живешь?

– Поверь мне, я живу в нынешнем веке. И ты тоже, мой друг. Поэтому перестань упрячиться как осел и прими мой подарок.

– Я не желаю заниматься уроками музыки!

– Ты об этом мечтал.

– Мечтал?! Когда?

– Когда мы были подростками, на улицах Афин.

– Я много о чем мечтал тогда, но от многого мне пришлось отказаться. – Огромное состояние, которым владел Нео, требовало постоянных жертв, и он охотно приносил их – одну за другой.

И этот процесс сделал из него человека. Совершенно не похожего на лодыря отца, который исчез, когда Нео не было и двух лет, и на мать, которая больше увлекалась выпивкой, чем воспитанием ребенка.

– И это говорит человек, который прошел путь от афинских трущоб до Уолл-стрит!

– Я живу в Сиэтле.

Зефир пожал плечами:

– Фондовая биржа находится на Уолл-стрит, и мы пытаемся отхватить у нее значительный кусок.

Нео почувствовал, что начинает уступать – хотя бы потому, что не хочет разочаровывать единственного человека на свете, которого он любил.

– Я попытаюсь поучиться две недели.

- Полгода.
- Один месяц.
- Пять.
- Два, и это мой окончательный ответ.
- Я оплатил уроки за целый год, прошу заметить.
- Если мне понравится, я буду и дальше их брать.
- Хорошо. Договорились.

Кассандра Бейкер, второй раз за одну минуту, расправила на коленях платье – стильное, от Лиз Клай-борн, с кроем «трапеция», в бело-голубых тонах. Кэсс жила, как отшельник, но это не означало, что и одеваться она должна была соответственно. По крайней мере, так она говорила себе, когда через Интернет заказывала свой новый весенний гардероб. Она одевалась стильно даже дома, когда ее никто не видел, и это помогало ей чувствовать себя в форме.

Тонкие пальцы Кэсс неподвижно лежали на клавиатуре.

Нео Стамос должен прийти на урок через пять минут.

Когда Кэсс выставила свои уроки в качестве лота на благотворительном аукционе, как делала это каждый год, она думала, что их приобретет какой-нибудь студент. Какая-нибудь восходящая звезда, жаждущая работать с признанным, хотя и ведущим затворническую жизнь, пианистом.

Кэсс щелкнула заколкой, распустив свои длинные каштановые волосы, затем снова уложила их на затылке. Она была уверена, что, как и в прошлые годы, ее будущий ученик будет разделять с ней любовь к музыке. Она и подумать не могла о том, что очередным ее учеником станет абсолютный новичок в этом деле – греческий миллиардер. Для одинокой женщины, которая боялась даже открыть дверь незнакомым людям, это был просто кошмар.

Она стала читать о нем статьи, рассматривать его фото в журналах и газетах, в Интернете. Но ничто ей не помогло. Этот богатый грек должен был прийти с минуты на минуту, и она волновалась все больше. На публичных фото он казался человеком, который совершенно не интересовался музыкой. И почему ему приспичило брать уроки игры на фортепиано? Причем за очень большие деньги. Когда ставки на ее лот возросли до десятков тысяч долларов, откуда-то возник Зефир Никос – и предложил сто тысяч долларов! Это потрясло Кэсси – сто тысяч долларов за один час в неделю! Даже если эти занятия были рассчитаны на целый год, предлагаемая цена была невыносимой.

Организатор аукциона пришла в экстаз и, позвонив Кэсс по телефону, проболтала с ней целых полчаса: Кассандра никогда так долго не разговаривала с людьми, которых едва знала. Пожилая дама соловьем заливалась по поводу того, как замечательно, что мистер Никос купил уроки для своего старинного друга и бизнес-партнера Нео Стамоса.

И конечно, позвонил личный помощник мистера Стамоса – очень сдержанный, очень эффективный, – который уточнил расписание уроков. Кэсс была готова к любому расписанию, потому что ее собственный график работы был очень гибким, а на улицу она практически не выходила. И распорядок ее жизни никак не нарушался, когда она предложила заниматься по вторникам, назначив начало занятий на десять часов утра.

Совершенно не понимая, почему несказанно богатый, невыносимо красивый, амбициозный и чрезвычайно занятый бизнесмен захотел заниматься музыкой, Кэсс страшно нервничала. Честно говоря, Кэсс не нервничала так с тех пор, как в последний раз выступала на публике.

Раздался звонок в дверь, и она словно окаменела.

Раздался второй звонок, и этот нетерпеливый звук вывел ее из паралича. Вскочив, она поспешно направилась к двери, хотя беспокойные мысли по-прежнему вихрем крутились в ее голове.

Это звонит сам Нео Стамос или его личный помощник? Может, за дверью стоит его охранник или водитель? Будут ли присутствовать другие люди на занятиях? Если ее ученик придет не один, а с охранником или личным помощником, останутся ли они вместе с ним на уроке?

При мысли о том, что несколько совершенно незнакомых людей придут в ее дом, Кэсс замерла от ужаса.

А может быть, он один? Но если он приехал сам, на своей машине, то это порождало еще массу проблем.

Сможет ли он припарковать свой автомобиль на очень тесной площадке перед ее домом? Может быть, ей предложить ему свой пустой гараж?

Звонок раздался в третий раз – в ту самую секунду, когда она распахнула дверь. Мистер Стамос стоял на пороге. Он выглядел еще более импозантно, чем на фото.

– Мисс Кассандра Бейкер? – Глаза того насыщенного зеленого цвета, какой бывает яркая летняя листва, выжидательно взглянули на нее.

Откинув голову, она с достоинством встретила взгляд миллиардера.

– Да. – Затем заставила себя сказать слова, которые говорила всем своим студентам: – Вы можете звать меня Кэсс.

– Вам больше подходит Кассандра, чем Кэсс. – Голос его был глубоким, прозвучавшим в ее ушах гармоничным аккордом.

– Так зовут меня все мои... ученики. – Она с трудом произнесла последнее слово. Слово «ученик» совсем не сочеталось с этим человеком.

Словно почувствовав это, он слегка улыбнулся:

– Я буду звать вас Кассандра.

Она смотрела на него, не зная, как отнестись к его надменному поведению. Хотя он сам явно не считал его таковым.

– Полагаю, нам будет легче начать урок, если вы впустите меня в дом. – В голосе его слышалось нетерпение, но лицо оставалось невозмутимым.

Кэсс почувствовала неловкость, будто была плохо воспитана.

– Конечно, я... вы не хотите поставить свою машину в гараж?

Не удосужившись взглянуть через плечо, обтянутое пиджаком от Армани, на свой матово поблескивавший «мерседес», стоявший на площадке перед домом, он отрицательно качнул головой:

– В этом нет необходимости.

– Ну, тогда хорошо. Проходите, пожалуйста.

В девятнадцатом веке, когда был построен дом, это была задняя комната. А теперь здесь стоял рояль «Фазиоли». И практически больше ничего. Только огромное кресло, в стиле времен королевы Анны, для редких гостей, и крошечный круглый столик.

Указав на широкую гладкую скамью, сделанную тоже в стиле «Фазиоли», Кассандра предложила:

– Садитесь.

Он уселся на скамью, поставленную перед роялем, при этом умудряясь выглядеть гораздо более непринужденно, чем выглядела бы Кэсси, если бы очутилась в его многоэтажном офисе.

Миллиардер был высокого роста – более шести футов, – и скамья оказалась для него низковата, но от этого мужчина не выглядел неуклюжим. Его фигура не была худой или толстой, как у многих пианистов, которых знала Кэсси. Крепкий, мускулистый мужчина. У него были сильные руки, с длинными, но толстыми пальцами, что совершенно не подходило для пианиста или миллиардера, насколько она понимала. Костюм его выглядел бы более уместно в зале заседаний, чем в музыкальной комнате, но мужчина явно не ощущал никакой неловкости.

Возможно, этот сказочно богатый Адонис просто не обладал геном неловкости, как многие другие обычные люди...

– Может, вы хотите что-нибудь выпить перед началом занятий?

– Мы уже потратили несколько минут из нашего часа. Может быть, вы не будете тратить время на всякие любезности?

– Я позанимаюсь с вами немного дольше, чтобы восполнить это время, – поспешила оправдаться Кэсси, тут же почувствовав себя виноватой, в то же время понимая, что ей не за что себя винить.

– Договорились. – Странно, но его резкий тон немного снял с нее напряжение.

Или, возможно, это произошло оттого, что он пришел без своего окружения, чего она так боялась? Так или иначе, Кэсси стало немного легче.

Значит, никаких любезностей...

– В следующий раз, когда вы придете, можете не звонить, а сразу входить в дом, – предложила она.

Он прищурил свои глаза – потрясающе зеленые.

– Вы не запираете дверь? – Не дожидаясь ответа, добавил: – Я закрыл ее на щеколду.

Несомненно, такой человек, как он, инстинктивно запирает за собой все двери.

– Я удивилась, что вы приехали один, без охраны.

– У меня есть охрана, но я не живу на глазах у своих стражей. Вы были тщательно проверены, прежде чем мой помощник позвонил вам насчет расписания уроков. – Он бегло, но внимательно взглянул на нее: – И вы вряд ли представляете для меня угрозу.

– Да, я понимаю. – На секунду в желудке у нее заныло оттого, что ее подвергли проверке.

– В этом нет ничего личного.

– Да. Это было необходимо.

Точно так же и Кэсси проверила Нео Стамоса, отыскав информацию о нем в Интернете. Хотя наверняка ее проверяли гораздо более тщательно. Без сомнения, мистер Стамос знал ее историю. Он был в курсе того, что она страдала идиосинкразией, как назвал ее состояние психотерапевт. И все же он не обращался с ней как с душевнобольной...

– Совершенно верно. – Он демонстративно взглянул на свои часы.

Не «Ролекс». Кэсси показалось это интересным, но она воздержалась от комментариев. Он дал ей ясно понять, что приехал сюда заниматься музыкой, а не разговаривать с ней. И этот его бесцеремонный жест подействовал на нее неожиданно успокаивающе.

Оставшееся время прошло необыкновенно быстро. Несмотря на какое-то странное, неизвестное доселе волнение, которое миллиардер пробудил в Кэсс.

Нео не мог понять, почему его вдруг охватило нетерпение, когда, проснувшись во вторник утром, он вспомнил о том, что сегодня у него – второй урок музыки.

Кассандра Бейкер оказалась именно такой, какой ее описывали его агенты. Очень тихая, сторонящаяся незнакомых людей... И все же в ней было нечто, что очаровывало его. Сегодня у него была масса более важных дел, но именно встреча с известной всему миру пианисткой, которая отказывалась от публичных выступлений, сразу же пришла ему на ум.

Нео не мог поверить в то, что получил такое удовольствие от первого занятия с Кассандрой Бейкер.

Мисс Бейкер трудно было назвать красавицей, с ее каштановыми волосами, едва заметными веснушками и хрупкой фигуркой. Более того, она не относилась к тому типу женщин, которые нравились Нео. Это была более чем обычная, так сказать, среднестатистическая девушка. И Нео ни за что бы не встретился с ней,

если бы не Зефир. Именно он познакомил Нео с музыкой Кассандры. Он подарил ему ее диски на день рождения и Рождество. Нео стал слушать их, когда занимался на спортивном тренажере, потом – во время работы на компьютере. И в конце концов, музыка Кассандры стала звучать в любое время, когда он находился дома.

Он не задумывался о том, кто же автор этой музыки, просто слушал ее, и все. Он даже не узнал ее имя на подарочном сертификате с уроками, пока его агенты не предоставили ему информацию о ней. И тогда впервые до Нео дошло, что она является автором большинства музыкальных произведений, которые ему так нравились.

И не ему одному: Кассандра Бейкер была самым продаваемым композитором Нового времени. Нео не ожидал, что такой популярный музыкант может быть таким застенчивым. Бесспорно, Кассандра была ничем не примечательной девушкой, но Нео отметил, какие удивительные у нее глаза – честные и открытые, янтарные. Такого необычного цвета не было даже у цветных контактных линз, столь популярных среди искусственных красоток, которые «цепляли его на крючок», по выражению Зефира.

Не будучи красавицей, Кассандра была в то же время пленительной, ранимой. Было нечто в ее замкнутости, что сильно привлекало его. Возможно, ему просто нравилось то, что она пишет такую замечательную музыку? Как бы то ни было, Нео захотелось получше узнать ее.

Когда через час он подъехал к ее дому, то обнаружил, что дверь не заперта, как Кэсси и сказала. Такое небрежное отношение к своей безопасности взволновало его, но еще больше взволновали звуки музыки, разносившиеся по коридору. Она даже не знала, что он вошел в дом.

Нео нахмурился, когда вошел в комнату, в которую она привела его неделю назад.

Оторвавшись от рояля, Кассандра замерла. Ее руки, приподнятые над клавиатурой, неподвижно застыли в воздухе.

– Доброе утро, Нео.

- Ваша дверь была не заперта.

- Я сказала, что так и будет.

- Это небезопасно.

- Я думала, вы оцените возможность беспрепятственно попасть на урок.

Не ожидая приглашения, он сел рядом с ней.

- Вы не слышали, как я приехал.

- Мне и не надо было слышать. Вы знаете, куда вам идти.

- Это не повод оставлять дверь открытой.

- Нет? - Она взглянула на него, словно действительно не понимала, в чем проблема.

- Нет.

- Хорошо. Давайте начнем с того, на чем мы остановились в прошлый раз.

Нео не привык, чтобы его сбивали с темы. Но сейчас, вместо того чтобы разозлиться, он не мог не восхититься тем, как эта застенчивая женщина тактично намекнула ему на то, зачем он находится здесь.

«Совсем не для того, чтобы читать ей лекции о безопасности», - напомнил он себе.

Начался урок музыки. Нео наслаждался тихим голосом Кассандры. Ее страстное отношение к музыке проглядывало в каждом слове, которое она произносила, и в каждом прикосновении к клавишам, когда она играла. Мужчина отдал бы многое за то, чтобы его возлюбленная прикасалась к нему с таким благоговением.

И Нео не мог объяснить, почему у него возникла сильная эрекция во время такого невинного занятия, как урок игры на фортепиано.

Глава 2

Кассандра прикрыла рот, зевнув – в третий раз за десять минут! Каждую ночь накануне занятий с Нео она плохо спала. И это продолжалось уже пять недель. В самом начале это было ее обычное волнение при общении с незнакомым человеком. Но оно медленно и странно перерастало в предвкушение. И она не понимала почему. Совсем не потому, что Нео стал дружески сближаться с ней. Он оставался для нее успешным бизнесменом, и не более того, но она обнаружила, что искренне наслаждается его обществом. Он занимался с ней прилежно и серьезно, хотя домашние задания явно не выполнял.

Удивительно, но, когда он находился рядом, Кэсси ощущала спокойствие, как ни с кем другим.

Он больше не возмущался ее «любезностями», как это было в первый раз. И не возражал, когда она отклонялась от темы урока и начинала обсуждать то, что любила больше всего на свете, – музыку. Он даже задавал вопросы, проявляя свой интерес.

– Вы сами водите свой «мерседес».

– Да. – Он явно приглашал ее к разговору, старательно играя аккорды, которые она только что показала ему.

– Вы не носите «Ролекс», но вы носите сшитый на заказ дизайнерский костюм.

– Вы наблюдательны, – сказал он с той полуулыбкой, которая так завораживала ее.

– Возможно.

– Но я не понимаю, почему это вас заинтересовало. – Он вопросительно взглянул на нее, и руки его замерли на клавиатуре.

– Я думала, что вы приедете на «феррари» или на чем-то подобном.

– А, понятно... – Он улыбнулся.

По-настоящему улыбнулся.

И все внутри ее перевернулось. В этом не было ничего хорошего. У Кэсси никогда не возникало такой реакции в отношении ее студентов или кого-то еще. В его улыбке сквозило предостережение. Что-то вроде: «Один взгляд – и ты пропала!»

– Мало кто из людей способен прямо высказаться насчет того, что нечто в облике богатого человека не соответствует его статусу.

– Я не умею юлить.

Его улыбка превратилась в откровенную усмешку.

– Приятно слышать. Но возвратимся к вашему вопросу. Ведь это был вопрос, не так ли? – Нео говорил с легким греческим акцентом, который казался ей восхитительным.

Ей хотелось узнать о нем больше. Да, именно так. Она сдержала вздох. Согласно информации, которую она раскопала в Интернете, Нео оставил Грецию совсем молодым человеком. Тем не менее, как говорилось в статье, он разговаривал на греческом со своим бизнес-партнером и финансировал несколько проектов в сфере недвижимости также и в своей родной стране.

– Может быть, и нескромный, но да, – кивнула Кэсси.

– Я не возражаю против такого рода нескромности. Нескромность папарацци, желающих знать имя и размеры моей последней подруги, – это совсем другое дело.

Щеки и шея ее покраснели.

- Да, понятно. Обещаю вам, что не буду задавать подобного рода вопросы.

- Ваше любопытство гораздо более невинное.

Кажется, ему нравилось это. Странно... Лично ей ее невинность совсем не нравилась.

- Отвечу на ваш вопрос. Считаю, что человек зарабатывает деньги не для того, чтобы тратить их впустую. Моя одежда являет собой некий фасад для наших инвесторов и покупателей. Мои часы технически ничем не отличаются от «Ролекса», но стоят несколько сотен долларов, а не несколько тысяч. Мой автомобиль достаточно дорогой, чтобы произвести впечатление на других людей, но не слишком дорогой, ведь мне всего-то и надо, чтобы я на нем мог добраться из пункта А в пункт Б.

- В отличие от многих других мужчин, автомобиль не является для вас игрушкой.

- Я перестал играть в игрушки еще в приюте... Она читала о том, что Нео жил в сиротском приюте, прежде чем уехать из Афин. Сотрудники его пресс-службы не скрывали от общественности того факта, что у их шефа было тяжелое детство.

И это она могла понять. Например, официальные биографы Кассандры сообщали о том, что родители ее умерли, но ничего не говорили о продолжительной болезни ее матери. И никто не догадывался о том, какие мучения пришлось пережить им с отцом: несколько лет их дом был погружен в тишину и окутан страхом потери самого близкого и любимого человека.

Смерть отца была неожиданной – сердечный приступ мгновенно унес его. И жизнь ее изменилась. «Восходящая звезда», как все ее уже называли, Кассандра Бейкер, уединившись дома, перестала выступать на публике.

- Некоторые люди пытаются восполнить потерю своего детства, снова становясь детьми.

– Я слишком занят.

– Да, действительно.

– Но ведь у вас тоже не было детства. – Он сказал это так, словно это был непреложный факт.

Словно это ничего не значило. Но разве она не решила уже давно, что это действительно ничего не значило? Прошлое нельзя изменить.

– Почему же вы решили заняться уроками музыки? – спросила она Нео, желая говорить о чем угодно, только не об этих мрачных годах.

– Я проиграл пари.

– Своему бизнес-партнеру?

Он поднял брови при упоминании Зефира Никоса:

– Да.

– Если это так, то он такой же богатый, как и вы?

– Да, ну и что?

– Он потратил сто тысяч долларов на уроки музыки, которыми вы не хотели заниматься. Мне это кажется очень легкомысленным.

– Да, не хотел... – Нео, казалось, и сам был шокирован этой мыслью. – В молодости я хотел научиться играть на пианино, но у меня не было возможности. А теперь мое время гораздо дороже, чем деньги... Правда, Зефир не считает, что легкомысленно потратился. Он уверен, что в моей жизни должно быть что-то еще, кроме работы, что помогло бы мне расслабиться.

Но такая баснословная цена за один урок казалась Кассандре совсем не расслабляющей.

- Но он почему-то не захотел найти более дешевого преподавателя.
 - Мы с Зефиром считаем, что нанимать надо самых лучших специалистов. А вы – первоклассная пианистка.
 - По крайней мере, так мне говорят. – Кэсси слышала об этом много раз в своей жизни.
 - Кстати... Почему вы выставляете свои уроки на благотворительном аукционе? Ведь вы не учитель музыки, а известный и успешный композитор и музыкант.
 - Многие талантливые пианисты хотят заниматься со мной. И я даю им шанс сделать это.
 - Но вы прекратили давать концерты?
 - Я предпочитаю тихую жизнь, без новых людей. Но все-таки иногда мне становится одиноко. Я не хочу становиться отшельницей. – Хотя во многих отношениях она ею уже стала.
 - И вы расстроились, когда узнали, что ваши уроки купил новичок?
 - Нет, не расстроилась. Хотя очень нервничала. На самом деле, пришла в ужас... – Она улыбнулась ему жалкой улыбкой. – Я была так напугана, что умоляла моего менеджера избавить меня от этого.
 - Но он тем не менее не связался с Зефиром или со мной, чтобы отменить уроки.
 - Нет.
- Глаза его сузились, но она не понимала, что вызвало его недовольство.
- Почему же вы были так напуганы? Ведь вы и прежде давали уроки.
 - Но не миллиардеру.

– Я такой же, как все.

Настала очередь Кэсси нахмуриться. Ей не понравилась эта ложь.

– Как человек, который ратует за правду, вы солгали очень легко. Вы нисколько не верите в то, что вы такой же, как все.

И снова эта полуулыбка тронула его губы.

– Вы более проницательны, чем я предполагал.

– Вы не склонны к самообману, насколько я поняла.

Он пожал плечами:

– Я сделал ошибку, поделившись некоторыми тревогами со своим доктором. Грегор – а он не только мой доктор, но и друг Зефира – рассказал ему о моих опасениях.

– Но эти тревоги мешали вам, не так ли? – спросила она, уже зная ответ.

– И как вы догадались об этом?

– Вы человек, находящийся в прекрасной физической форме и в то же время – в зените своей профессиональной карьеры. И вы были задеты, когда поняли, что существует некая сила, которую вы не можете объяснить.

– Я думал, вы пианистка, а не психиатр.

– Гораздо легче наблюдать за людьми, чем общаться с ними. И совершенно естественно, что такой любопытный человек, как я, постарается понять, почему они утрачивают душевное равновесие.

– Вы необыкновенно проницательны.

– Спасибо. Я тоже люблю честность.

– У нас есть нечто общее.

Она постаралась проигнорировать мгновенно вспыхнувшую реакцию, возникавшую в ней каждый раз, когда Нео был рядом.

– Да. И не только это. Еще мы оба хотим, чтобы вы научились играть на пианино. Давайте вернемся к нашему уроку.

Кэсс не знала, как относиться к этой своей реакции.

В двадцать девять лет она не обладала никаким сексуальным опытом. У нее не было времени для свиданий, потому что она постоянно ездила на гастроли, а гастролировала Кэсси с детских лет. Теперь ей под тридцать, и до сих пор еще никто не целовал ее...

Незнакомое возбуждение и сейчас охватило ее, вызвав дрожь в теле и заставив сердце бешено биться. Это надо было прекратить. Она должна справиться со своей реакцией, прежде чем выставит себя полной дурой.

Она попыталась сделать то, что обычно делала, когда ей становилось трудно жить: сконцентрироваться на музыке. Но это не всегда помогало. Тем не менее, прикоснувшись к клавишам, она заставила себя показать Нео новое упражнение.

– Вы извлекаете из инструмента феноменальные звуки. – Его глубокий одобрителный тон еще сильнее обострил все ее чувства.

Кэсс с трудом подавила в себе дрожь:

– Когда-нибудь и вы сможете так играть.

– Возможно, смогу.

– Попробуйте.

Сначала он сбился, но она положила свои руки поверх его и стала ему помогать. Для Кэсс это было серьезным испытанием: она с трудом сохраняла спокойствие, едва дыша, когда показывала Нео, как надо правильно держать пальцы. К тому времени как зазвонил будильник на его часах, сигнализируя о конце занятий, он хорошо усвоил упражнение, а она потратила массу нервной энергии на то, чтобы скрыть свою дрожь под невозмутимой маской учительницы музыки.

– Эти упражнения помогут вам разработать пальцы, – сказала она, не глядя на него. – Но я уже устала напоминать, что дома надо тоже заниматься.

Он пожал плечами:

– Я наслаждаюсь этими уроками больше, чем предполагал.

– Я рада. – Она улыбнулась. – Музыка – это бальзам для души.

– Возможно.

Они умолкли на миг, почувствовав между собой согласие.

Он встал со скамейки и, вскинув руку, взглянул на свои наручные часы:

– Не могу сказать, как долго я еще буду заниматься, но решил купить себе пианино. Моя помощница позвонит вам, чтобы выслушать ваши рекомендации.

Помощница Нео позвонила, но не для того, чтобы посоветоваться насчет выбора пианино. А для того, чтобы отменить следующий урок. Нео на следующей неделе должен был уехать из Сиэтла.

– Пожалуйста, не говорите об этом никому. Отсутствие мистера Стамоса возбудит толки, и это может отрицательно сказаться на его деловых переговорах.

Нео явно считал, что надо объяснить Кэсс свой «прогул».

К счастью, тот факт, что Нео исчез из города, остался незамеченным для прессы. Но, к несчастью для Кэсс, его еженедельные визиты к ней вызвали у журналистов горячий интерес.

Во вторник утром Кэсс проснулась от громкого хлопанья автомобильных дверей и резких голосов людей, собравшихся перед ее домом. Она бросилась в гостиную, выходящую окнами на улицу, и взглянула вниз из-за занавески.

Перед ее домом стояли три микроавтобуса с надписью «Пресса» и два легковых автомобиля. Кто-то уже звонил в дверь. Звонок продолжал звенеть, когда Кэсс побежала обратно в спальню, чтобы одеться.

Она может проигнорировать их. Она может не отвечать. Она больше не являлась публичной персоной. Журналисты не имеют права посягать на ее время и ее личность.

Тем не менее Кэсс приняла душ и поспешно оделась. Кто-то постучал в застекленные створчатые двери ее спальни, и Кэсс испуганно вскрикнула. Разум твердил ей, что это просто наглый репортер, который взобрался на балкон ее спальни, но хорошо знакомое ощущение надвигающейся паники грозило парализовать ее.

Схватив с ночного столика телефонную трубку, Кэсс набрала телефон своего менеджера. Когда она, задыхаясь, рассказала Бобу о том, что происходит, он попросил ее успокоиться. Такое внимание прессы было даже полезным: оно могло поднять продажи ее дисков.

Кэсс не стала с ним спорить. Все силы она тратила на то, чтобы не позволить страху свести ее с ума. Она набрала номер офиса Нео, продолжая вздрагивать от каждого удара в свою балконную дверь. Ей ответил автоответчик, и она оставила сообщение, хотя через секунду уже не могла вспомнить, что же она сказала.

А затем Кэсс укрылась в ванной комнате, закрывшись на замок, и стала молиться о том, чтобы пресса оставила ее в покое.

Она все еще сидела там, свернувшись калачиком между старинной, с львиными лапами ванной и стеной, когда раздался стук в дверь.

– Кассандра! Ты там? Открой. Это Нео.

Но ведь Нео не было в городе! Так сказала его помощница. Взглянув на дверь, Кэсс покачала головой, и кожа ее, и так уже влажная от испарины, вновь покрылась потом.

Стук повторился. Он был гораздо громче.

– Кассандра, открой дверь!

Голос был похож на голос Нео, но теперь Кэсс не могла допустить, чтобы он увидел ее. Она выглядела ужасно и не хотела, чтобы кто-то увидел ее в таком состоянии. Вот только разум твердил ей, чтобы она открыла дверь.

Следующий стук был почти нежным, и таким же был голос Нео:

– Пожалуйста, малышка, открой дверь.

С трудом разогнув затекшие ноги, она встала.

– Я... я сейчас, – срывающимся голосом проговорила Кэсс. Протянув руку, она повернула ключ, затем толкнула дверь.

Мужчина, стоявший перед ней, не напоминал обычно невозмутимого Нео. На нем не было пиджака, и лицо его было мрачным.

Она вытерла лицо тыльной стороной руки:

– Я... они... кто-то сообщил прессе о том, что по вторникам ты приходишь ко мне на уроки. Боюсь, они проникнут в дом.

– Пусть только попробуют! Тебе надо принять горячий душ. Я пока приготовлю чай.

– Я... да, это хорошая мысль. – Кэсс взглянула на Нео, потом в зеркало – и чуть не вскрикнула.

Она была похожа на ведьму: волосы всклокочены, глаза как у затравленного зверя, лицо бледное, а на блузке виднелись пятна от пота. Ей требовался не только душ. Ей требовалось полное преобразование.

Но все же для начала действительно надо принять душ и выпить немного чаю.

– Ты чувствуешь себя хорошо? Тебя можно оставить одну? – спросил Нео.

– Да.

Кэсс не задумывалась о том, каким же образом он проник в ее дом, пока не пошла в душ. Лишь простояв под горячей водой двадцать минут, она задала себе этот вопрос. Он крутился в ее голове, пока она тщательно вытирала волосы полотенцем, и в конце концов поняла, что не получит ответа, пока не спустится вниз. Поэтому, надев чистую одежду, Кэсс направилась на кухню.

Там ждал ее Нео. Он указал на чашку с дымящимся чаем, стоявшую на столе.

– Пей.

Кэсс села, сделала глоток и чуть не поперхнулась, почувствовав необычную сладость.

– Сколько же сахара ты положил?

– Достаточно.

– Для сладкоежки – возможно.

– Сладкий чай помогает справиться с шоком.

– Ты говоришь так, будто знаешь.

– Я позвонил моей помощнице, и она навела справки.

Кэсс рассмеялась:

– Держу пари, это ей доставило большое удовольствие.

Нео пожал плечами.

– Как ты вошел в дом? – спросила она.

– Меня впустил Боб.

– Да. У него есть ключ. Я помню, как он приходил, – подтвердила Кэсс.

Она не отзывалась, когда он стучал в дверь ванной. Кэсс была уверена, что Боб будет убеждать ее дать интервью.

– Когда я приехал, перед твоим домом стоял один микроавтобус.

– А что ты делаешь здесь?

– Ты оставила мне сообщение на автоответчике.

– Я думала, ты уехал из города.

– Я действительно уехал.

И вернулся назад. Чтобы помочь ей? Она с трудом могла поверить в это, но была рада тому, что Нео снова здесь. Взглянув на часы, Кэсс обнаружила, что близится вечер. Она просидела в ванной комнате больше восьми часов! Неудивительно, что тело ее сводили судороги, когда она наконец встала на ноги.

– Я чувствую себя идиоткой.

Он сел напротив нее:

- Ты испытываешь тревогу, когда появляешься на публике, и эта тревога настолько сильная, что лишает тебя воли?

- Да, но никто сегодня не просил меня появляться на публике.

- А разве об этом просят? Разве папарацци не врываются в нашу жизнь без всякого разрешения? Они требуют, чтобы мы давали интервью, позировали для фото.

- Ты думаешь, что Боб проговорился прессе о твоих уроках?

Нео взял таблоид, лежавший на столешнице позади него, и положил его перед ней на стол. На первой странице было фото: Нео входит в ее дом.

- Они решили, что ты - нечто гораздо более интересное, чем просто моя учительница музыки. Они считают, что ты - моя очередная любовница.

Кэсс вздрогнула - но не оттого, что представила себя его любовницей, а при мысли о том, как настойчиво ее будут преследовать журналисты, считая ее таковой.

Он покачал головой:

- Прошу прощения за то, что случилось. Мой пресс-менеджер опубликовал подробную информацию об этих уроках, но, боюсь, на этот счет уже было высказано множество предположений, поэтому потребуется время, чтобы этот интерес угас.

- Хорошо. Просто я слишком остро отреагировала на это.

- Большинство людей отреагировало бы подобным образом на появление папарацци у них перед домом.

- И на моем балконе.

- Что ты имеешь в виду?

– Кто-то забрался на мой балкон и попытался открыть застекленную дверь, ведущую в мою спальню.

Лицо Нео вспыхнуло от гнева.

– Это недопустимо!

– Согласна. Я страшно испугалась.

– Это понятно.

– Может, хочешь заняться музыкой, пока ты здесь?

Он улыбнулся:

– Возможно. Но только после того, как ты поешь.

Нео поручил одному из своих охранников заказать на дом еду. Когда еду привезли, Кэсс с удивлением обнаружила, что у нее проснулся аппетит.

– Твой менеджер хотел остаться и поговорить с тобой, но я настоял на том, чтобы он уехал, – сказал Нео, когда они поели.

– Спасибо тебе. Наверное, Боб хотел убедить меня дать интервью. Он сказал, что появление на публике увеличит продажу моих дисков.

– Когда он тебе это сказал?

– Я позвонила ему перед тем, как позвонить тебе на работу. – Кэсс сделала глоток вина, которое доставили вместе с едой. – Я не совсем понимаю, зачем позвонила тебе в офис. Я была не в состоянии рационально мыслить...

– Я рад, что ты позвонила. На самом деле именно из-за меня возникла эта проблема. И я должен был ее решать.

– Мне кажется, Нео Стамос, что ты – хороший человек.

Он явно был потрясен ее словами, но быстро овладел собой. Лицо его снова обрело обычное выражение.

– Я принимаю это как комплимент.

– А я и сделала тебе комплимент.

В этот вечер они не занимались музыкой, но Нео оставался у нее до девяти, пока вино и пережитое потрясение не сделали свое дело: Кэсс стала зевать.

– Тебе пора отдохнуть.

– Да. – Она тихо рассмеялась. – Мне кажется, я валяюсь с ног.

Кэсс думала, что Нео поцелует ее, когда она проводила его до двери, но он, лишь сжав ее плечо, снова сказал ей, что надо спать.

Она потрясла головой, подумав о том, какая же она глупая. Ну почему такой мужчина, как Нео Стамос, захочет поцеловать ее? Кэсс явно не в его вкусе. И к тому же у нее были проблемы.

Да, формально она не была прикована к дому. Кэсс могла сама ходить в магазин за продуктами, не испытывая никакого стресса, – но лишь в соседний магазин, знакомый ей с детства. Большинство других своих покупок она делала через Интернет. Она преодолевала свои страхи, относящиеся к записи в студии, но только если звукорежиссер и продюсер были те же самые. И ее менеджер не приглашал в студию посторонних людей. Впрочем, Боб перестал делать это после того, как она отказалась играть в их присутствии и ушла домой.

И вот сегодняшний день доказал, что она все-таки ненормальная. Ее агорафобия в основном относилась к концертам, но она всегда испытывала ужас, когда посторонние люди пытались проникнуть в ее святилище – ее дом. И толпа репортеров, собравшаяся перед входом, всколыхнула в ней тягостные воспоминания...

Глава 3

Следующим утром, когда Кэсс работала над пьесой, которую собиралась включить в свой новый диск, раздался звонок в дверь. Она проигнорировала его. Сегодня утром перед ее домом не было никаких машин с надписью «Пресса», и Нео разместил на своем сайте сообщение, которое должно было прекратить всяческие толки. Но это не означало, что какой-нибудь предприимчивый репортер не предпринял бы новой попытки взять интервью у «затворницы-пианистки».

Кроме того, в ее дом часто звонили торговые агенты, предлагающие различный товар, несмотря на табличку, которую она повесила над дверью, с убедительной просьбой не делать этого.

Снова раздался звонок в дверь, но Кэсс не пошевелилась.

И потом зазвонил телефон.

Вздыхнув с досадой, она встала. Ей никогда не удастся подготовить эту пьесу, если ее так будут прерывать! Взяв телефонную трубку, она ответила:

– Да, я слушаю.

– Мисс Бейкер?

– Да. – Зачем ей звонит помощница Нео? Ах да! – Вы хотите проконсультироваться насчет покупки пианино?

– Нет.

– Нет? – Ей стало не по себе. – Мистер Стамос желает отменить следующий урок?

Может, он решил вовсе прекратить занятия? Она не стала бы винить его за это после вчерашнего дня.

- Нет.

- О... Наверное, ей стоит помолчать, пока помощница сама все скажет. Поэтому она замолчала, но помощница молчала тоже.

Наконец женщина откашлялась:

- Мистер Стамос велел мне спросить вас, когда вы можете принять слесаря, чтобы он укрепил ручку на вашей входной двери и поставил дополнительный замок на балконные двери в вашей спальне? Слесарь стоит у вас под дверью, но, наверное, ваш дверной звонок не работает.

- Он работает прекрасно.

- Слесарь звонил вам. Дважды.

- Я никому не открываю дверь, когда никого не жду. - Кэсс не стала пускаться в дальнейшие объяснения. Она уже давно поняла, что пытаться объяснить что-то кому-то - лишь усложнять ситуацию.

Особенно таким бесчувственным людям, как личная помощница Нео Стамоса.

- Если вы не откроете дверь, слесарь не сможет починить ручки двери.

- А в чем, собственно, проблема? - Ей казалось, что с ручкой все в порядке, хотя Нео, возможно, заметил какой-то изъян.

- Мистер Стамос оставил мне инструкцию - заменить эту ручку на ручку с автоблокировкой.

- Мистер Стамос оставил вам инструкцию насчет моей двери? - переспросила Кэсс. - Не сообщая мне об этом?

Он знал, что она оставляет дверь открытой, когда ожидает прихода каких-то людей. Это входило в ее психологическую подготовку перед приемом посетителей. Таким образом Кэсс напоминала себе о том, что ей придется

общаться с другими людьми.

– Меня не интересует, сообщал он вам или нет. Я только выполняю распоряжение.

– Вы думаете, что я впущу совершенно незнакомого человека в свой дом, потому что так сказал ваш босс? Я не намеревалась менять дверные ручки и тем более не просила никого о таком усовершенствовании.

– Но мистер Стамос...

– Не является хозяином этой квартиры. Хозяйка здесь я, – добавила Кэсс, и раздражение ее вырвалось наружу. – А я не имею никакого желания менять мои прекрасно работающие дверные ручки.

– Мистер Стамос будет недоволен, – предостерегающе произнесла помощница.

– Уверена, что у мистера Стамоса есть более важные дела, о которых ему стоит побеспокоиться.

– Без сомнения, есть. Но он поручил мне выполнить это задание.

У Стамоса, без сомнения, были ответственные работники, бесконечно преданные ему.

– Ему следовало бы посоветоваться со мной, – сказала Кэсс с некоторой симпатией к девушке.

– У мистера Стамоса нет привычки интересоваться мнением других. – Нескрываемая досада сквозила в голосе, прозвучавшем в телефонной трубке: – Я сообщу слесарю о том, что его вызов отменяется. И мистер Стамос будет осведомлен, что это произошло по вашему требованию. – Ледяной тон персональной помощницы, казалось, заморозил всю телефонную линию.

– Пожалуйста. Также можете сообщить вашему боссу о том, что если мне будут мешать работать какие-нибудь слесари или кто-нибудь из его персонала, то на следующем уроке я буду готовиться к записи своей музыки, а не учить его

играть.

Молчание, которое возникло в ответ, вызвало улыбку на лице Кэсс. Отнесется ли Нео с юмором к ее шутливой угрозе, или у него нет чувства юмора?

– Я дословно передам ему ваши слова, – сказала наконец женщина.

– Спасибо.

Нео злился на самого себя. Ему надо было позвонить Кассандре и предупредить ее о слесаре. Возможно, даже пригласить ее занудного менеджера, чтобы тот присутствовал там, пока меняют замок. Но вместо этого он поручил это дело своей помощнице, – и вот результат!

Правда, он улыбнулся, услышав про угрозу Кассандры. Прослушать репетицию необыкновенно талантливой пианистки – вряд ли это можно было назвать наказанием. Тем не менее он чувствовал себя отвратительно. И это было совершенно нехарактерно для него. И также нехарактерно было то, что он признавал свою ошибку. Все это и побудило Нео к тому, чтобы позвонить Кассандре со своего личного мобильного телефона. И это в самый разгар совещания по поводу нового проекта в Гонконге!

Надев наушники, он одним ухом стал слушать прения, а другим – телефонные гудки.

– Да? – ответила Кэсс после третьего гудка, и голос ее был откровенно сердитым.

Почему ему это показалось очаровательным, он не мог сказать.

– Ты отменила заказ моему слесарю.

– На самом деле заказ отменила не я, а твоя помощница. Я не открывала дверь.

– Почему?

– Я думала, это еще один репортер.

Нео сдержал стон, осознав свою глупость. Он должен был догадаться об этом!

– Я имею в виду, почему ты отказалась от него, когда узнала, что это слесарь?

– А почему ты не спросил меня, хочу ли я менять ручки двери?

– Это нужно сделать. Ты постоянно забываешь о том, что надо закрывать дверь.

– Я не забываю об этом, я просто оставляю ее открытой, когда знаю, что ко мне кто-то придет. И не собираюсь оставлять ее открытой в ближайшее время, если тебе от этого будет легче. Я не хочу, чтобы ко мне неожиданно нагрянули репортеры.

– Несмотря на твое нежелание общаться с незнакомыми людьми, ты слишком небрежно относишься к своей безопасности. Смена дверной ручки – это всего лишь полумера. Тебе надо пригласить специалиста, который помог бы создать в твоём доме целую систему безопасности.

– Ни за что!

Но Нео приходилось иметь дело и с более крутыми оппонентами, чем всемирно известная пианистка.

– Считаю, что я делаю тебе подарок за то, что ты открыла для меня свой дом.

– Ты хочешь сказать, что это нужно для твоей безопасности?

– Ты примешь этот подарок, если я скажу «да»?

– Для честного человека ты слишком склонен к манипуляции. Я не пускаю незнакомых людей в свой дом.

– Я был для тебя незнакомым человеком, когда пришел к тебе на урок.

Зи не раз предупреждал Нео о том, что нетерпеливость создает проблемы, и всегда оказывался прав.

– Не совсем. Во-первых, я была готова принять у себя нового студента. Во-вторых, я предварительно узнала о тебе все, что можно. И в-третьих, мой менеджер сказал мне, что, если я не буду давать уроки, он уволится.

– Я не собирался тебе надоедать: ты будешь иметь дело со специалистом по безопасности.

– Нет!

– Кассандра, ты ведешь себя неразумно. Это займет полчаса, от силы час.

– Речь идет не о времени, а о том, что я просто не хочу! – Голос ее был твердым.

– Кассандра, подумай хорошенько.

Молчание на том конце линии беспокоило его.

– Если ты действительно так переживаешь, – наконец проговорила она, – мы можем заниматься в моей студии звукозаписи. – Она снова замолчала, явно обдумывая свое предложение. – Да, это вполне возможно.

– Я не хочу заниматься в твоей студии.

– А я не хочу принимать гостей у себя дома!

– Если я приеду к тебе, когда ты будешь принимать консультанта по безопасности, тогда ты не будешь волноваться? – Нео сам не поверил в то, что сказал.

По лицу своей помощницы он видел, что та тоже поражена.

Но вчера Кассандра, добровольно заточив себя в ванной комнате, открыла дверь именно ему, а не своему менеджеру. Для Нео это было удивительно: сам он

привык доверять своим сотрудникам и партнерам.

– Что? Ты хочешь приехать сюда? Нет. Ты слишком занят. И в этом нет никакой необходимости. – В трубке было слышно учащенное дыхание Кассандры. – Послушай, я... я попрошу моего менеджера. Он придет на встречу с консультантом по безопасности. Он считает, что эти уроки полезны для моей карьеры, хотя я и не понимала почему до вчерашнего дня, пока сюда не нагрянули репортеры. Боб все сделает.

Нео был изумлен. И это было совершенно нехарактерно для него. Как и проявленное им терпение.

– Ты не хочешь встречаться с консультантом и предоставить все это дело Бобу? Но ведь это, как ты говорила моей помощнице, твой дом. Я приеду к тебе завтра, в десять часов утра.

Она все еще что-то говорила, когда он повесил трубку.

Непонятно чему улыбаясь, Кэсс вернулась к обработке своей пьесы. Но когда перед ее мысленным взором стали возникать чьи-то зеленые глаза, она обнаружила, что пальцы ее играют концерт Вивальди – самый страстный, чувственный момент, – и тогда Кэсс поняла, что попала в беду.

На следующее утро Нео приехал ровно в десять часов, как и сказал.

Волосы Кэсс были уложены на затылке в классический французский пучок, на ней было ярко-розовое платье в стиле Джекки Кеннеди, поверх которого надет такого же цвета пиджак. Она ждала его в музыкальной комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/monro_lyusi/uroki-muzyki-i-lyubvi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)